

Джералду Ласселлу

Глава 1

Верхний Квинтерн

— «Где верный меч, копьё и щит?..»¹ — пропели дамы из Верхнего Квинтерна.

— «Где стрелы молний для меня?..» — вплыла в хор тонким дискантом достопочтенная миссис Фостер.

— «Пусть туча грозная примчит мне колесницу из огня...» — поставила свое условие жена викария, поправив пенсне на носу.

Миссис Джим Джоббин пела вместе со всеми. Она обладала колоратурным сопрано², а также чувством юмора, поэтому ей вдруг стало интересно: что стала бы делать миссис Фостер со стрелами молний, как прелестная мисс Престон из Киз-хауса управилась бы с копьём и каково было бы жене викария мчаться в колеснице из огня? Или, если уж на то пошло, кто бы мог сказать о таком работающем существе, как она сама, что оно способно уклониться от возведения ни более ни менее как Иерусалима здесь, в Верхнем Квинтерне, или где бы то ни было еще «в зеленой Англии родной»?

¹ Эта и три последующие цитаты — из гимна Уильяма Блейка «Иерусалим» в переводе С.Я. Маршака. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

² Колоратурное сопрано — самый высокий женский голос, который отличается особой подвижностью, способен исполнять разные пассажи (колоратуры).

8 Тем не менее мелодия была приятна, а слова выразительны, хотя и немного вычурны.

Только что они зачитали протокол последнего собрания, а теперь предстояли соревнование и краткая речь викария, который посетил Рим безо всяких предубеждений.

Миссис Джим, как ее всегда называли в округе, наметанным взглядом окинула гостиную дома миссис Фостер. Она сама сегодня утром «навела здесь блеск», а миссис Фостер расставила цветы, щедрой рукой нарвав белых камелий больше, чем посмела бы, знай, что этот Макбрайд, раздражительный приходящий садовник, бдительно наблюдает за ней.

Вспомнив о своей роли председательницы, миссис Джим встряхнулась и особым, «председательским» голосом выразила уверенность, что все присутствующие хотят разделить горе миссис Блэк в связи с ее недавней тяжелой утратой. Дамы зашебетали, а маленькая невзрачная женщина, сидевшая в углу, безмолвно кивнула в знак признательности.

Затем началось соревнование. Оно состояло в том, что нужно было с помощью зашифрованных подсказок отгадать и вставить в пустые клеточки имена присутствующих дам. Миссис Джим играла не без удовольствия, но не сказать чтобы очень успешно. Она отгадала собственную фамилию, которая, как она отметила, была зашифрована весьма прозрачно, но не совсем точно, как «не работающая вне дома». Ее фамилия Джоббин действительно на слух совпадала с выражением «работа *внутри*»¹, но на деле сама она как раз всегда трудилась «на сто-

¹ Jobbin (*англ.*): job — работа, место службы; in — предлог «в».

роне». Два раза в неделю помогала по хозяйству миссис Фостер из Квинтерн-плейса, постоянной прислугой у которой была Берил, племянница миссис Джоббин. Дважды в неделю ходила в поместье Мардлинг на подмогу постоянному штату прислуги. И дважды в неделю, в том числе по субботам, помогала мисс Престон в Киз-хаусе. После этих работ она возвращалась домой как раз вовремя, чтобы успеть приготовить чай детям и ужин своему прожорливому мужу. А когда мисс Престон изредка устраивала вечеринку, миссис Джоббин помогала на кухне — отчасти ради дополнительного заработка, но главным образом потому, что симпатизировала мисс Престон.

Миссис Фостер, по ее мнению, была немного с придурью — она постоянно выискивала у себя болезни и очертя голову бросалась во все предприятия, чтобы показать, как она жаждет быть полезной деревне.

Тем временем викарий, бросив самоуверенный взгляд на Ватикан, направлялся к Форуму. Миссис Джоббин, сделав над собой усилие, смиренно последовала за ним.

Верити Престон, вытянув длинные ноги в вельветовых брюках, смотрела на свои ботинки и недоумевала: зачем она здесь? Ей было пятьдесят лет, но выглядела она молодо. Достигалось это без каких бы то ни было ухищрений: скорее всего, дух ее, будучи заперт внутри тела среднего возраста, отказывался стареть. Еще пять лет тому назад она работала в постановочной части театра. Потом ее отец, видный кардиолог, умер и оставил ей Киз-хаус с достаточным количеством денег в придачу, чтобы Верити могла преспокойно жить и писать пьесы, что она и делала время от времени с переменным успехом.

10 Она родилась в Киз-хаусе, предполагала, что в Киз-хаусе и умрет, так что в силу соседского существования постепенно приходила к принятию ритма жизни Верхнего Квинтерна, который, несмотря на войну, бомбы, кризисы и инфляции, не так уж сильно изменился со времен ее детства. Основное отличие состояло в том, что — за исключением мистера Николаса Маркоса, человека нового в здешних краях, — местное общество теперь было гораздо беднее и, опять же в отличие от мистера Маркоса, не держало живущую в доме прислугу. Круг помощниц по хозяйству ограничивался миссис Джим, ее племянницей Берил да дюжиной менее известных женщин, и спрос на них был велик. Чтобы сохранить за собой их услуги, миссис Фостер шла на хитрости, считалось даже, что она прибегает к обману, подкупая их. Между собой кое-кто называл ее Пираткой.

Миссис Джим, по общему признанию, была категорически неподкупна. Миссис Фостер как-то предприняла попытку, но столкнулась с реакцией, заставлявшей ее краснеть каждый раз, когда она об этом вспоминала. Вернуть миссис Джим удалось только униженными мольбами, под предлогом сурового обострения люмбаго¹.

Миссис Фостер была нестигаемым ипохондриком, и в версию люмбаго никто ни за что бы не поверил, если бы Макбрайд, садовник в Верхнем Квинтерне, не признался, что однажды застал ее на дорожке собственного сада ползущей к дому на четвереньках в своем лучшем твидовом костюме,

¹ Л ю м б а г о (от *лат.* *lumbus* — поясница) — острая боль (прострел) в нижней части спины (пояснице).

шляпе и перчатках. Вид у нее в тот момент был совершенно убитый. **11**

Викарий тем временем дошел в рассказе уже до аэропорта Леонардо да Винчи и, сообщив, что визит в Рим дал ему обильную пищу для размышлений, закончил свою речь на задумчиво-экуменической¹ ноте.

Наконец объявили, что чай подан, и все радостной толпой двинулись в столовую.

— Привет, Сиб, — сказала Верити Престон. — Могу я чем-нибудь помочь?

— Дорогая! — воскликнула миссис Фостер. — Буду чрезвычайно признательна. Не разольешь ли ты чай? Я просто не в состоянии. У меня такой артрит в запястьях!

— Должно быть, тебе очень больно.

— Честно признаться, *слишком* больно. Глаз ночью не сомкнула, и еще это собрание, а Пру унеслась наблюдать за соревнованиями дельтапланеристов (Прунелла была дочерью миссис Фостер), так что от нее никакой помощи. И в довершение всех несчастий этот жуткий Макбрайд объявил, что увольняется. Только представь себе!

— Макбрайд увольняется? Но почему?

— Говорит, что болен. Но если хочешь знать мое мнение, все это — его упрямство и несговорчивость.

— Ты с ним поссорилась? — догадалась Верити, ловко наполняя чашки, которые дамы на подносах относили в столовую.

— Вроде того. Из-за камелий, которые я нарывала сегодня утром.

— Но он еще здесь?

¹ Экуменизм — учение и движение за сближение и объединение различных христианских конфессий.

12 — Не спрашивай меня. Возможно, уже смылся. Разве только оплату он еще не получил. Я не удивлюсь, если он сейчас дуется в своем сарае с инструментами.

— Надеюсь, на меня его эмбарго не распространится.

— О боже, нет, конечно! — воскликнула миссис Фостер не без ехидства. — Ты же его обожаемая мисс Престон. В затуманенных глазах Макбрайда ты, дорогая, не можешь сделать ничего неправильного.

— Хотелось бы тебе верить. И что ты теперь собираешься делать, Сиб? Давать объявление? Или пойдешь с повинной?

— Ни за что! Никогда в жизни! О, миссис Блэк! — воскликнула миссис Фостер с медоточивой сердечностью. — Как хорошо, что вы пришли. Где хотите сесть? Вон там вам будет удобно? *Отлично*. А кто у нее умер? — пробормотала она, когда миссис Блэк удалилась. — По какому поводу мы выражали ей сочувствие?

— Муж.

— А, ну тогда все в порядке. Я не перестаралась.

— Брат приехал побыть с ней.

— Но он, конечно, не садовник, я полагаю.

Верити поставила чайник и уставилась на нее.

— Ты не поверишь, — сказала она, — но мне кажется, я слышала, как кто-то — миссис Джим, что ли, — говорила, что он как раз садовник. Да, я уверена. Садовник.

— Вот это да! Интересно, насколько хороший. Господи, *какой* это будет удар по самолюбию Макбрайда. Как ты думаешь, уместно ли сейчас взяться за миссис Блэк? Просто чтобы выяснить.

— Ну...

— Дорогая, ты меня знаешь. Я буду **13**
сама тактичность.

— Не сомневаюсь, — сказала Верити.

Она проводила взглядом миссис Фостер, решительно пробивавшуюся сквозь толпу. Столовая была слишком просторной, чтобы хоть что-то из ее слов можно было услышать, но Верити без труда догадалась, что миссис Фостер осыпала комплиментами викария — весьма симпатичного мужчину — и перекинулась добродушными шутками с односельчанами. Затем она стала пробираться к миссис Блэк, которая скорбно сидела на стуле в дальнем конце комнаты. Пухлые кисти миссис Фостер безвольно свисали с запястий, а прическа из розовых волос колыхалась туда-сюда.

Верити увлеченно следила за встречей и последовательной сменой выражения лиц: глубочайшее сострадание, расширенные от удивления фарфорово-голубые глаза, сочувственное покачивание головой, и наконец обе дамы удалились из столовой, несомненно отправившись в будуар Сибил. А вот теперь, подумала Верити, она возьмется за дело всерьез.

Внезапно она почувствовала, что за ней самой наблюдают.

Миссис Джим Джоббин смотрела на нее с таким оживленно-приветливым выражением лица, что Верити захотелось ей подмигнуть. Ей вдруг пришло в голову, что из всей присутствовавшей компании сельчан — местной знати, обывателей, торговцев, — живущей в соответствии с вековыми классовыми традициями, именно миссис Джим вызывала у нее наибольшее и подлинное уважение.

Налив себе чашку чаю, Верити, поскольку именно этого от нее и ждали, начала расхаживать по столовой, присоединяясь то к одному, то

14 к другому разговору. По натуре она была женщиной застенчивой, но работа в театре научила ее справляться с этой особенностью характера. Более того, она почувствовала интерес к людям.

«Мисс Престон, — сказал ей мистер Николас Маркос во время их первой и единственной встречи, — мне кажется, что вы рассматриваете нас как сырой материал». И стрельнул на нее своими черными глазами. Хотя это замечание было вариацией идиотского «только не вставляйте меня в свою пьесу», оно не вызвало у нее привычного раздражения. На самом деле Верити в то время и впрямь обдумывала идею сострять черную комедию из верхнеквинтернских «ингредиентов».

Она подошла к французскому окну, из которого открывался вид на лужайки, тропинки, розарии и очаровательную дальнюю панораму кентской части Уилда¹.

Стоя поодаль от остальных, она пила чай и с удовольствием взирала на перспективу за окном. Ей пришло в голову, что английский пейзаж как никакой другой окрашен в геральдические цвета собственной истории. «Именно *там*, — подумала она, — земля, камень, деревья, трава, каждый слой дерна, каждый листик, каждый стебелек будут незыблемо оставаться сами собой — пока не рассыпятся прахом. Для *этого* что тростник, что дуб — все едино». Она нашла такую мысль утешительной.

Переведя взгляд с дальней перспективы на передний план, она увидела человеческий зад, воз-

¹ Уилд (*англ.* Weald) — лесистый район Англии, в который входят части графств Кент, Суссекс, Суррей, Гэмпшир.

вышавшийся над живой самшитовой изгородью розария.

15

Эти брюки невозможно было не узнать: из грубого сукна, бесформенные, землистые, пожалованные кем-то или купленные на какой-нибудь давно забытой дешевой распродаже подержанных вещей. «Должно быть, Ангус Макбрайд скрючился над очередным бесценным саженцем», — подумала Верити. Или простил Сибил Фостер и с типичной прямолинейностью равнинных шотландцев отработывает оплаченное время.

— Дивный вид, не правда ли? — раздался голос викария. Верити не заметила, как он подошел.

— Дивный. Хотя в настоящий момент я смотрела на личность у самшитовых кустов.

— Макбрайд, — узнал викарий.

— Судя по брюкам, он.

— Я могу точно сказать. Когда-то они были моими.

— Вас не удивляет, — после затянувшейся паузы спросила Верити, — что он уже очень давно стоит в одной позе?

— Теперь, когда вы обратили на это внимание, пожалуй.

— Он не шевелится.

— Видимо, замер в восхищении перед каким-нибудь чудом природы, — пошутил викарий.

— Конечно, может быть и так. Но он стоит, сложившись в поясе пополам, как двухфутовая линейка.

— Можно и так сказать.

— Сегодня утром он уведомил Сибил, что увольняется по состоянию здоровья.

— Может, его, беднягу, скрутил приступ, — предположил викарий, — и он зажал голову между колен? — Несколько секунд спустя он добавил: — Пойду посмотрю.